
Наталья Чернова

**«КАКАЯ-ТО ТАЙНА БЫЛА В СУДЬБЕ ЕЕ»:
ПИСЬМО В КНИГЕ («НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»)***

Доклад — продолжение темы, которой я занимаюсь несколько лет: книга в творчестве Достоевского как предмет, метафора, символ; функции и приемы, связанные с использованием книги в широком аспекте поэтики; литературные пристрастия героев как способ их характеристики; классификация героев по их отношению к книге; значение устойчивых повторяющихся типов читателей у Достоевского¹.

Нынешний доклад посвящен одной сквозной символической детали в раннем творчестве писателя — «записка, письмо в книге» и естественно связан с любовной темой и читательницей у Достоевского.

Начало мотива — уже в финале первого романа, когда рядом оказываются и сопрягаются письмо и книга, причем оба не функциональны, потому что оба — не для чтения и выступают в качестве символа: письмо Вареньки Девушкину («Милостивый государь, Макар Алексеевич, спешу» — 1; 105) не написано, но какой роскошный последний подарок одного писателя другому для его творческой фантазии и почти фетиш для покинутого влюбленного: «Оставляю вам **книжку**, пяльцы, начатое **письмо**; когда будете смотреть на эти начатые строчки, то мыслями читайте дальше все,

---

* Доклад был прочитан на XXX Международных чтениях «Достоевский и современность» в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге (ноябрь 2005 г.).

что бы хотелось вам услышать или прочесть от меня, все, что я ни написала бы вам» (1; 106). В ненаписанном, но оставленном письме героини — не меньше признания в любви герою (без раздражения и упреков, как обычно в ее письмах) и приятия его любви (которой она обычно тяготится), чем в последнем написанном, где, кстати, эмблемой любви становится «одна строчка письма»: «Ведь я все видела, я ведь знала, как вы любили меня! Улыбкой одной моей вы счастливы были, одной строчкой письма моего» (1; 106). То же самое и с книгой. Девушкин просит Вареньку подарить ему «Белкина повести», «не потому, что уж мне так ее читать хочется» (1; 105): книга Пушкина — замещение Вареньки в новой семье героя у нее в квартире (он, книга Пушкина и Федора).

В одном из самых насыщенных книгой романе Достоевского символически соседствуют письмо без текста и книга не для чтения: это завещание и наследство «бедных людей», которые помогут им выжить и не потерять себя. И символ творчества: ненаписанное письмо одного сочинителя другому и книга Пушкина не для чтения как знак света в трагическом финале «Бедных людей», но одновременно и знак краха героя со «слабым сердцем».

В повести «Белые ночи» ситуация «записка в корешке книги» представлена иронически, как общее место в архаичной романной традиции, банализированным сюжетом: недаром этот эпизод (жилец предлагает бабушке Настеньки французские романы) связан с представительницей «старого» времени, вспоминающей свою юность, и именно бабушка раскрывает жанр ситуации: эти романы о том, «как молодые люди соблазняют благонравных девиц» (2; 122). Французским фельетонным бульварным романам с любовными записками в корешках противопоставлены по сюжету Скотт и Пушкин, с чтения которых начинается любовь героев. Книга Скотта оказывается в возвышенном пространстве, не только для автора, но и в оценке героини, которой больше всего понравился Пушкин и «Ивангое». Книга Скотта в «Белых ночах» — аналог книги Пушкина в «Бедных людях», находится рядом с ней, включаясь в пушкинский контекст. Может быть, это связано с новым образом героини: в отличие от Вареньки, героини в духе «чахоточной девы», ориентированной в собственном творчестве на Пушкина, Настенька хоть и тоже мечтательница, но более земная и полнокровная, способна одарить любовью и влюбить в себя и «жильца», и Мечтателя (условные имена соперников, обозначенных не именами собственными, а

оппозиционными типами — стоящий на земле и оторванный от реальности, — разумеется, не случайны). И может быть, поэтому любовь более земной пары в «Белых ночах» — Настеньки и «жильца» — будет освещать не только Пушкин, но и Скотт с ярко-приключенческим рыцарским романом.

Тем более следующий эпизод на тему «письмо в книге» в повести «Неточка Незванова» докажет правоту бабушки из предыдущего произведения и окажется тоже связанным со Скоттом: «Вальтера Скотта романы! А полно, нет ли тут каких-нибудь шашней? Посмотри-ка, не положил ли он в них какой-нибудь любовной записочки?» (2; 122). Неточка найдет в романе Скотта «Сент-Ронанские воды»² любовное письмо. И хотя внешне ситуация та же, но развитие ее и художественная функция принципиально иные, чем в «Белых ночах», и на этом стоит остановиться подробнее. Важна разница отношений к названной книге автора, героев, сравнение их точек зрения, поэтому имеет смысл проследить субъектно-объектные отношения, связанные с книгой.

Почему Достоевский, прочитавший в возрасте Неточки все романы любимейшего писателя³, сделал в своей повести роман «Сент-Ронанские воды» единственным романом Скотта, не прочитанным собственной главной героиней? Почему любимая героиня юного Достоевского и автобиографического Мечтателя — Клара Моубрей («Клара Мовбрай» у Достоевского) — неизвестна героине, читающей любимые книги автора, хорошо знавшего роман Скотта⁴? Почему именно с этой не прочитанной книгой в руках героиня испытывает катарсис и выходит из юношеского книжного подполья, из библиотеки — тюрьмы на порог взрослой женской жизни и именно здесь обрывается незаконченный роман Достоевского? Почему именно этот роман Скотта сделан местом хранения драгоценной реликвии — письма возлюбленного — другой героини, Александры Михайловны, в отличие от Неточки внимательной читательницы «Сент-Ронанских вод»? Наконец, почему два романа Скотта создают своеобразную оппозицию в повести Достоевского: «Ивангое» как любимое тайное чтение Неточки и этот же роман как знак содружества ее с Александрой Михайловной и — «Сент-Ронанские воды», роман, разделивший подруг-читательниц мучительной тайной?

Ответов на эти вопросы, разумеется, нет. Поиск ответов, однако, увлекателен и не бесполезен.

Сюжет романа Скотта вполне традиционен. В Шотландии в го-

родке Сент-Ронан вокруг недавно открытого источника целебных вод собирается пустое светское общество во главе с леди Пенелопой Пенфезер, которому противостоит аристократическая семья Моубреев, лорда Джона и его сестры Клары, — олицетворение старой Шотландии. Он — охотник и игрок, она же — скрытная, с причудами. Художник Фрэнсис Тиррел, принятый сначала в обществе, изгнан из него, поскольку прям и честен. Никто не знает, что он — бывший возлюбленный Клары. Они встречаются после восьмилетней разлуки, пережив какую-то страшную трагедию. Появившийся на водах аристократ Вэлентайн Балмер уговаривает Моубрея выдать сестру замуж за него, обещая поправить денежные дела Джона. Из письма Вэлентайна другу выясняется тайна Клары. В юности она и Фрэнсис решили обвенчаться тайно, т.к. Фрэнсис беден. Фрэнсис и Вэлентайн — братья по отцу, аристократу и богачу: Вэлентайн — законный сын, Фрэнсис — незаконнорожденный. Вэлентайн во время тайного венчания Клары и Фрэнсиса устранил брата и занял его место. Так Клара оказывается женой Вэлентайна, но про этот брак никто не знает. Вэлентайн обещает Фрэнсису никогда не встречаться с Кларой, а влюбленные расстаются навсегда. Перед смертью отец передает все наследство Фрэнсису, сделав его законным сыном. Однако, по условиям завещания умершего отца Вэлентайн станет богат и родовит, если женится на Кларе. Встретившись в Сент-Ронане с коварным Вэлентайном, благородный Тиррел требует от брата оставить Клару, обещая за это отказаться от своего титула и наследства в его пользу. А в это время Моубрей принуждает сестру к замужеству. Ночью полубезумная Клара убегает из дома и умирает в доме Тиррела, а ее брат убивает Вэлентайна на дуэли.

Итак, Александра Михайловна и роман «Сент-Ронанские воды», героиня, хранящая любовное письмо в книге Скотта. Во-первых, Достоевский маркирует этим романтическую героиню в лице Александры Михайловны, прямо отсылая читателя к банализированному бродячему сюжету. Во-вторых, Клару Моубрей можно считать прообразом Александры Михайловны.

В более широком смысле линия Александры Михайловны обозначает ориентацию начинающего автора на европейский роман. «Неточка Незванова» — его первый опыт в жанре романа, каждая часть которого представляет собой законченную новеллу со своим сюжетом, имевшую в редакции 1849 г. свои заглавия — «Детство», «Новая жизнь», «Тайна» (2; 494–495).

В третьей же части отчетливо проявляется связь с традицией европейского фельетонного романа, с его темами тайны, рока, несчастной любви, с оппозицией «богатство — бедность», с упрощенным пониманием причин социального зла, с клише «злодей — аристократ», с обязательным наличием компрометирующего документа или письма, раскрывающего тайну.

Для Достоевского с его представлением о зле как о всемирно-историческом явлении, как извечном свойстве мира и части гармонии уже в «Неточке Незвановой» в центре оказывается героиня-подросток, «чей дар любви словно обжигает всех вокруг»⁵, обуреваемая страстями, давшими материал для новейшей теории подсознания (ненависть к матери, любовь к отцу как к мужчине, влюбленность девочек — подростков); в образе же Александры Михайловны, наоборот, каркас и схема старой романтической героини представлены обостренно архаичными.

Именно поэтому неслучайна отсылка читателя к роману «Сент-Ронанские воды», не характерному для Скотта историческому, а чуть ли не единственному у него роману семейному, «меланхолическому», «готическому» (XVI; 550–551) со всей его атрибутикой — с тайной между героем и героиней, погубленной любовью, темой братьев-соперников по любви и титулу, с трагическим исходом и гибелью героини. Все это как нельзя лучше подошло для создания нового женского образа в творчестве Достоевского, но, как ни парадоксально, на уже устаревшем литературном материале. И в первом образе «гордой красавицы» у Достоевского архаическая схема традиционного женского образа высвечена с помощью романтической героини Клары Моубрей не менее сильно, чем в его ранних героинях — схема «бедной Лизы».

Как и героиня Скотта, Александра Михайловна появляется в повести без предыстории (в отличие от предшествующих героинь Достоевского — записки Вареньки о детстве, рассказ Настеньки о жизни с бабушкой до встречи со студентом, история Неточки до встречи с Александрой Михайловной), почти без судьбы, в атмосфере недомолвок и тайн⁶. Про отца сказано одно слово — «откупщик», происхождение матери «какое-то темное» (2; 224). Родственные отношения Александры Михайловны с первого чтения установить трудно: по матери она — старшая сестра Кати, дочери княгини от ее второго брака с князем Х—им. Ее отношения со всеми членами семьи не объясняются, а ограничиваются лишь скудным изложе-

ем фактов, которые неизбежно вызывают вопросы и недоумение. Отношения с матерью у Александры Михайловны далеки от дочерне-материнских, после второго замужества мать «решительно не знала, что ей делать со старшей дочерью» (2; 224), угадывается насилие матери в устройстве неравного брака дочери. Мать ездит к дочери два раза в год, скоро перестает бывать совсем и не пускает к ней Катю. Князь Х—ий почему-то скрывает от жены свои поездки с Катей к падчерице. Вообще по отношению к Александре Михайловне все члены семьи делятся авторской оценкой на два лагеря: ее мать и муж с их отношением к ней по модели «тиран-жертва», «господин-раб», и герои, отмеченные авторской симпатией (князь Х—ий, относящийся к падчерице как к родной дочери, и Катя, обожающая сестру). Когда же Неточка попадает в дом Александры Михайловны, отношения сестер вообще прекращаются: Катя больше не появляется в доме Александры Михайловны, так как «не разлучается теперь с матерью» (2; 224).

Почему? Тайну женской судьбы Александры Михайловны лишь приоткрывают два источника: временные вехи ее судьбы, туманно обозначенные автором и трудно поддающиеся восстановлению⁷, и письмо в книге.

Причем хронология жизни Александры Михайловны частично восстанавливается только через хронологию Неточки и в связи с ней. К моменту их встречи Александре Михайловне 22 года, Неточке — 10 лет⁸. Александра Михайловна вышла замуж «четыре года назад» (2; 224), значит, в 18 лет. Письмо возлюбленного Александры Михайловны написано через два года после их знакомства (2; 240–241), и в нем говорится о муже, защитившем ее от света, значит ее платонический роман⁹ мог начаться в 18–19 лет, сразу после замужества, и кончиться разрывом, когда был замечен светом и когда ей — 20–21 год. В 22 года детей у нее еще нет (2; 224), но «с первых дней» Неточки в доме Александры Михайловны у той «одно дитя и только год она была матерью» (2; 229), т.е. она родила в 22–23 года, может быть, пытаясь восстановить этим семейные отношения (потом Неточка упоминает о двух ее детях).

Данная хронология позволяет предположить, почему мать Александры Михайловны прекращает отношения со старшей дочерью, боясь скомпрометировать младшую. Этим же объясняется отсутствие каких бы то ни было гостей, друзей в доме Александры Михайловны, ее одиночество и отверженность светом в противо-

положность сочувствия света к ее мужу.

В 13 лет Неточка «запирается» в библиотеке с любовными романами на три года (2; 231–236), а в 16 лет находит письмо, пролежавшее в книге «уже несколько лет» (2; 238–239).

После нахождения письма проходит «несколько дней», затем «три недели» Петр Александрович в Москве, еще несколько дней прошло после его возвращения (2; 245–246). И дальше обращают на себя внимание некоторые хронологические неточности в объяснении Неточки с Петром Александровичем: непонятно, почему она говорит ему, что нашла письмо три года назад (2; 266), значит в 13–14 лет, хотя объяснение с ним происходит примерно через месяц после обнаружения ею письма. Это, конечно, ошибка Достоевского. Или обман Неточки, который мог бы играть какую-то роль в дальнейшем развитии сюжета.

Повесть обрывается, когда Александре Михайловне 28–29 лет, а Неточке — 16–17, и значит, она в доме Александры Михайловны — 6–7 лет. Всего же, по признанию Неточки, она должна провести в доме Александры Михайловны восемь лет и должна встретиться с Катей через восемь лет (2; 223), т.е. когда ей будет 18–19 лет, а Александре Михайловне — 30–31, если та доживет до этого возраста, т.к. есть мотив ее скорой смерти («какая глубокая осень <...> с первым снегом я и умру» — 2; 255). Может быть, Неточка должна была остаться в доме Александры Михайловны и после ее смерти.

Тайна Клары раскрывается постепенно и, как и положено в готическом романе, до конца. У Достоевского другая стратегия писателя, и другую стратегию предлагает он читателю: тайну взрослой женщины пытается разгадать ребенок, для которого загадка остается, как и для читателя, и даже для писателя, не закончившего роман. Отсюда — широкое поле интерпретаций, предположений, открытость литературного сюжета, как и юной героини, живой жизни.

В литературе о повести «Неточка Незванова» отмечены многочисленные влияния, творчески переосмысленные Достоевским (2; 498–501). Влияние Скотта не отмечено, лишь прокомментирован эпизод с романом «Сент-Ронанские воды»: «История трагической любви Клары к Фрэнсису Тиррелу, описанная в этом романе, должна быть близка Александре Михайловне» (2; 505). Добавлю, что Неточка гадает о своем будущем по второй части книги и находит там письмо: именно в этой части во второй главе «Свидание»¹⁰ — кульминационная сцена встречи и объяснения Клары с Фрэнсисом

(XVI; 126–136)¹¹. И именно эта сцена могла особенно взволновать Александру Михайловну.

Думается, что влияние романа Скотта на повесть Достоевского может быть оценено как более значительное. Известно, что для Достоевского Клара Моубрей — один из любимейших женских образов с детства. Интересно, что название романа «Сент-Ронанские воды» фигурирует в творчестве Достоевского единственный раз¹², тогда как в других случаях этот роман Скотта у Достоевского представлен именно восторженным упоминанием имени его главной героини. И, конечно, Клара Моубрей может по праву считаться литературным прототипом нового женского «героида» Достоевского — гордой красавицы, — открывает который Александра Михайловна. И в этом смысле «Сент-Ронанские воды» можно считать одной из составных частей корневой системы «Неточки Незвановой».

В связи с этим предложу квинтэссенцию сравнительной характеристики героинь. Из подробного, развернутого, с деталями портрета Клары Моубрей Достоевский как бы убирает подробности, «драгоценные камни», цвета, излишества и оставляет для своей героини главную и существенную особенность: античная красота Клары названа у Александры Михайловны обобщенно — правильные черты лица (2; 229). Множество совпадений в наиболее банальных внешних чертах, например, настойчиво подчеркивается бледность обеих. Характеристика Клары — лицо «в сентиментальном духе» (XVI; 89) абсолютно приложима к Александре Михайловне: у обеих роскошные черные волосы, у Александры Михайловны ясные голубые глаза, как небо, сочетание штампов и высоких символов святости в ее портрете (ясность, спокойствие духа, примирение, любовь, сострадание, кротость, в душе отражается «купол небесный» — 2; 229)¹³. С другой стороны, портреты и характеры героинь построены на противопоставлении и контрасте или отрицании, двойственности: у Александры Михайловны «серьезность и суровость как-то не шли к ее ангельски ясным чертам» (2; 224)¹⁴, и «глаза ее блестели как молнии, как бы метали искры» (2; 229); Клара — амазонка-юродивая¹⁵.

В характере, образе жизни, занятиях — клише романтической героини: стремление к уединению, благотворительность, обе с книгой, рукоделием, художественные склонности (музыка, рисование).

Тема болезни и врача: истерики, слезы, рыдания, перепады настроения, ипохондрия, нервы, обе странные, с причудами. «Полу-

помешанная» (XVI; 311) Клара сравнивается с Офелией, отношения Александры Михайловны с мужем описываются диагностически как «болезненный кризис» (2; 228).

Предчувствие смерти. В духе романтической героини Клара хочет «обвенчаться с могилой», она о своей тайне: «Я схороню ее, словно урну с погребальным пеплом в глубине холодной гробницы» (XVI; 155), у нее — мистический готический акцент в предчувствии смерти; для Александры Михайловны звук лопнувшей струны предвещает ее скорую смерть.

Свет и героиня оппозиционны: Александра Михайловна исключена из общества, Клара презирает общество и восстает против него.

Бунт. Александра Михайловна готова уйти из дома вместе с Неточкой, признав свой грех. Бунт Клары кончается уходом из дома и смертью.

Тайна обеих героинь открывается в письмах.

У их возлюбленных — один и тот же статус: социальное неравенство, бедность, оба — неровня героиням, пассивны, неспособны бороться за любовь.

Мотив героини-грешницы. В отрывке рукописи «Неточки Незвановой» в Александре Михайловне акцентировано сближение ее образа с сюжетом «Христос и грешница»: у нее гравюра с картины Эмиля Синьоля «La femme adultère» (1840) с евангельской цитатой: «Кто из вас без греха, первым брось в нее камень» (2; 495). Думается, убрав эту слишком конкретную деталь в окончательном тексте, Достоевский усугубил тайну образа Александры Михайловны, тем более, что в письме подчеркнут духовный «братский» союз «двух сердец»¹⁶. Однако одухотворенная Александра Михайловна мучается и страшными плотскими страстями — и в этом уход Достоевского от бестелесности романтической героини в сторону собственной будущей героини-инфернальницы. А пока в раннем творчестве развитие сюжета, связанного с адюльтером, убранным из повести «Неточка Незванова», — в «Маленьком герое», где в m-те М* — новые, более чувственные штрихи к портрету Александры Михайловны: герой-любовник с отнюдь не братскими чувствами к замужней даме, которая в свою очередь вызывает не только платонический восторг юного пажа, и именно через первый поцелуй он впервые осознает себя мужчиной. Недаром в портрете m-те М* подчеркнута сочетание божественной ипостаси (Мадонна) и женского искушения.

Итак, про генетическую близость Александры Михайловны и Клары Моубрей можно сказать словами Неточки, и здесь ее образ автобиографичен: «Я обкрадывала беспощадно моих любимых авторов» (2; 238).

Неточка и «Сент-Ронанские воды», книга, не прочитанная героиней. Названность единственного не прочитанного Неточкой романа «Сент-Ронанские» в отличие от всех названных до этого прочитанных ею книг — это не знак круга чтения Неточки, а знак традиционной романной линии, связанной с Александрой Михайловной. Такое введение книги в текст имеет характер приема, вносящего всегда дополнительный смысл, специфичного для Достоевского, который мог бы быть определен как «книга не для чтения». Подобная гипотетическая дефиниция могла бы быть введена в научную практику, поскольку приложима ко многим проблемам текста Достоевского. Так в «Бедных людях» повесть «Станционный смотритель» Пушкина как главную в круге чтения героев, идейно-художественную доминанту всего произведения в финале романа заменит «книга не для чтения» «Белкина повести», выступающая в роли детали-символа, почти сакрального предмета, заменяющего герою возлюбленную. Интересно, что одна и та же книга выступает в обоих случаях (и в «Бедных людях» книга Пушкина, и в «Неточке Незвановой» книга Скотта) в двух разных функциях: книга, которую читают герои, в другом случае становится «книгой не для чтения».

Мне уже приходилось говорить о роли книги в создании катарсиса у героя Достоевского. Такой катарсический характер носит сцена пробуждения Неточки к жизни в библиотеке с книгой «Сент-Ронанские воды» в руках¹⁷. Налицо подчеркнуто символический строй сцены с постоянными характерными эмблемами: косые лучи заходящего солнца, восторг, слезы, книга в руках героини, хронотоп «порога», присутствие оппозиций «тюрьма, монастырь и — живая жизнь», «детство — взрослая жизнь». Но почему пробуждение Неточки связано с книгой, которая для нее только предмет, хранящий тайну Александры Михайловны? Возможно, письмо и книга выступают здесь как бинарная оппозиция «живая жизнь, любовь и — книга», устойчивая оппозиция от «Бедных людей» до больших романов Достоевского. Будущее Неточки, прошедшей через подлинные страдания в поисках любви, в отличие от «романтической» и «романной» героини в лице Александры Михайловны, испугавшейся любви и не сделавшей шага к ней, может быть со-

всем другим: ведь именно прикоснувшись впервые к тайне чужой любви, Неточка становится сильной, бунтует, вступает в схватку с Петром Александровичем, защищает Александру Михайловну.

Так одна и та же книга проливает разный свет на двух героинь, и книга Скотта, не прочитанная Неточкой, может быть знаком открытого финала незаконченной повести Достоевского, символом другого пути Неточки, которой предстоит пережить не книжные подлинные страсти, недаром роман обрывается на ее встрече с Овровым, что, возможно, предполагало будущую любовную линию. В «Неточке Незвановой» не открытый финал, а нет конца. Но как всегда у Достоевского, может быть, и это произведение обрывается в нужном месте, и конец повести Достоевского, означенный книгой Скотта с трагическим финалом, светел. Сравним это с трагическими, но просветленными открытыми финалами раннего Достоевского, маркированными пушкинскими произведениями («Бедные люди» и «Повести Белкина», «Белые ночи» и «Я вас любил...», «Униженные и оскорбленные» и финал «Евгения Онегина»).

Известно, что чаще других у Достоевского в высоко символическом пространстве оказывается книга Пушкина. В «Неточке Незвановой» эта функция книги Пушкина отдана книге Скотта. Вряд ли это случайность¹⁸. Вокруг книги Пушкина у Достоевского обычно образуется или встречается семья, а в совместном чтении влюбленных в «Белых ночах» Пушкин и Скотт «встречаются». В центре проблематики романа «Сент-Ронанские воды» — семья и семейная честь, отношения братские, братско-сестринские, между родителями и детьми. И «Неточка Незванова» — повесть прежде всего семейная, где как в зародыше все сложные модификации этой главнейшей темы зрелого Достоевского — от несчастной, «случайной» семьи (отчим и мать Неточки, княгиня и князь Х—ий), распадающейся семьи с трагической тайной (Александра Михайловна и Петр Александрович) до мечты об идеальной семье и вселенском братстве (христианско-отцовское отношение к Неточке князя Х—ого, матерински-сестринское Александры Михайловны, возвышенные отношения Александры Михайловны с возлюбленным). По замечанию Р.Г. Назирова, Неточка не может погибнуть, как Нелли в «Униженных и оскорбленных», ее окружают добрые заботливые люди, среди которых и ее образ устремлен к счастью¹⁹. Недаром в варианте повести Достоевского подчеркнута «чувство семейственности, так опоэтизированное в романах Вальтер-Скотта» (2; 451).

Интересно, что следующая вариация мотива «письмо в книге» в «Маленьком герое» опять демонстрирует возвращение Достоевского к уже использованному клише предшественников, возможно, поэтому исключает символичность и внесение дополнительных смыслов в устаревшую ситуацию: это знак игры между пажом и прекрасной дамой, когда и письмо, и книга выступают в прямой предметной функции в ролевой игровой ситуации (пропажа письма возлюбленного из книги дамы и возвращение письма из букета пажа обратно в духе комедии ситуаций и положений). Вот почему письмо и книга оказываются здесь анонимными, однако последствия действия мотива даже в самой его банализированной форме и здесь приводят к всегдашнему «высокому» результату — катарсису героя, к установлению космической связи ребенка с красотой Божественного мира. Однако, это редкий и чуть ли не единственный случай у Достоевского, в дальнейшем такое прямое функционирование составляющих мотива «письмо в книге» как предметов-атрибутов без дополнительной смысловой и художественной нагрузки сменит повышенная символичность детали в указанном мотиве. В качестве одного примера укажу на трансформацию составляющих мотива «письмо в книге» в романе «Идиот»: место любовного письма займет нож Рогожина, а анонимную книгу, французский роман и даже книгу Пушкина или Скотта заменит «История России» Соловьева. Банальный, точнее банализированный мотив европейского романа в пространстве поэтики Достоевского совершает сложную метаморфозу, обретая сугубо национальное, жесткое, привязанное к иному времени и иному месту звучание.

Примечания

¹ См.: **Чернова Н.В.** Книга как «персонаж», метафора и символ в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества : Материалы Международной конференции в Университете Тиба (Япония) 22–25 августа 2000 года. — М., 2002. — С. 335–348.

² В повести «Неточка Незванова» роман Скотта назван «Сен-Ронанские воды» (2; 239), в собрании сочинений В. Скотта — «Сент-Ронанские воды». В дальнейшем в тексте статьи указываются название романа и имена всех героев в транскрипции собрания сочинений В. Скотта, по этому же изданию цитируются сочинения Скотта: **Скотт В.** Собрание сочинений в двадцати томах. — М.—Л., 1960–1965, с указанием в скобках римскими цифрами тома, арабскими — страницы.

³ По свидетельству самого писателя, он «12-ти лет <...> прочел всего Вальтер-Скотта», захватив с собой в жизнь много «прекрасных и высоких впечатлений» (30, I; 212), т.е. летом 1834 г. И даже в 1880-е годы, когда Скотт уже вышел из моды и был архаичен для читателя, Достоевский, отвечая на письма читателей о круге чтения для юношества, особо выделяет Скотта (30, I; 212, 237–238). Об отношении Достоевского к В. Скотту см.: **Гроссман Л. П.** Путь Достоевского // Творчество Достоевского. — Одесса, 1921. — С. 83–108; Библиотека Достоевского. — СПб., 2005. — С. 89–90, 241–243, 274–276, 332.

⁴ Героиней этого романа восхищается Мечтатель в «Белых ночах» (2; 116), повествователь в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (19; 70).

Роман «Сент-Ронанские воды» (1823) появился во французском переводе в России уже в 1824 г. (2; 505). В 1820-е годы каждый роман Скотта издавался в нескольких томах в переводе Дефоконпре (см.: Библиотека Достоевского, с. 243). К моменту написания «Неточки Незвановой» существовал единственный русский перевод романа: «Сен-Ронанские воды» Сира Валтера Скотта. Перевел с французского Михаил Воскресенский. В 6-ти частях. — М.: В Университетской типографии, 1828. Эта книга и могла быть в библиотеке писателя (см.: Библиотека Достоевского, с. 276). В фондах Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Петербурге имеется это издание в трех томах (по две части в каждом).

⁵ По точному определению К.А. Степаняна, см.: **Степанян К.А.** Федор Михайлович Достоевский и мы // **Степанян К.А.** «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Достоевского. — М., 2005. — С. 280.

⁶ Интересно сравнить ввод в текст княгини — матери Александры Михайловны и самой Александры Михайловны. У княгини есть предыстория: рассказ о детях — княжне Кати и сыне (вставная новелла о Саше, чуть не утонувшем в детстве), о муже — князе Х—ом (первый образ «кроткого князя»), о родственнице — старой княжне, даже о любимой собаке (еще одна вставная новелла о Фальстафе). Все это, вместе с историей об искушении Фальстафа, данной в юмористическом ключе, делает образ матери Александры Михайловны реалистичным и полнокровным (не говоря уже об образе ее младшей дочери, княжны Кати) в отличие от образа ее старшей дочери, которая с момента введения в роман сразу окутана тайной, странностями, загадками.

⁷ Как известно, это прием Достоевского: восстановление хронологии жизни героя или художественного календаря всегда значимо.

⁸ Отец Неточки умер, когда ей 2 года, мать сразу вышла замуж за Ефимова (2; 154), скрипач Б. указывает на срок семейной жизни Ефимова с матерью Неточки — 8 лет (2; 174), значит в дом к князю Х—ому Неточка попала в 10 лет (2; 188), когда в доме траур по родственнице княгини. Неточка «скоро» надоела княгине, и ее отправили к Александре Михайловне, когда траур еще не кончился, т.е. Неточка недолго была у княгини.

⁹ Это подчеркивается и возлюбленным, и мужем героини.

¹⁰ В издании романа 1848 г.

¹¹ В цитируемом собрании сочинений Скотта убрана нумерация частей романа, и это глава 19.

¹² Как уже отмечалось, одна из возможных причин — прямая отсылка Достоевского к традиции европейского семейного романа в собственном первом опыте романа.

¹³ Эта «святость» в портрете позволяет сопоставить двух «гордых красавиц» раннего Достоевского — Александру Михайловну и m-me M* в «Маленьком герое». И в этом смысле весьма интересно замечание К. А. Степаняна о скрытом упоминании «Сикстинской Мадонны» Рафаэля в описании внешности m-me M*; см.: **Степанян К. А.** Достоевский и Рафаэль // **Степанян К. А.** «Сознать и сказать». — С. 498. И, может быть, неслучайно в связи с портретом Александры Михайловны возникает тема художника, который «полжизни бы отдал, чтоб подметить такую минуту светлого восторга и перенести это вдохновенное лицо на полотно» (24; 229).

¹⁴ В.Г. Белинский увидел в рафаэлевой Мадонне суровость, горделивость и «не забывающее своего величия снисхождение»: «аристократичная женщина, дочь Царя <...> Она глядит на нас не то чтобы с презрением <...> не как на каналий <...> с холодной благосклонностью»; цит. по: **Степанян К. А.** — С. 503. Ср. с Александрой Михайловной — «суровым ангелом».

¹⁵ Сочетание святости, болезненности и странности в Александре Михайловне позволяет вспомнить известное определение Мадонны Рафаэля у Достоевского — «скорбная юродивая».

¹⁶ Повесть создавалась в пору увлечения Достоевского идеями утопического социализма, в атмосфере мечты о всеобщем братстве. И даже в любовной линии героев раннего Достоевского всегда на первом месте идеалистическая мысль об обязательности счастья для каждого, кто оказывается в кругу двоих влюбленных, и невозможности быть счастливым, если твое счастье — источник страдания ближнего (в «Слабом сердце» — счастье Васи возможно только вместе с женой, другом и хорошим начальником; в «Белых ночах» у Настеньки — вместе с «жильцом» и Мечтателем). В «Неточке Незвановой» в письме возлюбленного Александры Михайловны их отношения представлены как братско-сестринские, а одна из причин их расставания — несчастье благородного порядочного мужа, выступившего на защиту чести жены перед враждебным светом. В ранней редакции письмо о «братстве двух сердец» находит не Неточка, а мечтатель Овров, сочувствующий неизвестному «собрату». Высказывалось предположение, что эта тема должна была быть развита и у Неточки с Овровым, но, как известно, роман обрывается на их встрече (2; 495). Братство — традиционная романная тема и у предшественников Достоевского, прежде всего Ж. Санд, В. Гюго и, конечно, В. Скотта. В романе «Сент-Ронанские воды» отношения героев, встретившихся через восемь лет после разлуки, не имеют и намека на возможность любовных, Фрэнсис и помыслить не может о борьбе за бывшую возлюбленную, нежнейшие отношения Клары с братом так сильны, что приводят к ее смерти.

При этом идеальная традиционная схема братских отношений героев в «Неточке Незвановой» постоянно взрывается напряженнейшими драматическими страстями: матерински-дочерние отношения Александры Михайловны с Неточкой превращаются сначала в отчужденные, потом — в полный духовный разрыв и последующее мучительное сближение; глазами девочки-подростка описаны муки необоснованной ревности зрелой женщины, виноватой перед мужем, и наконец, муж обвиняет жену в ревности к нему из-за Неточки. Так же тончайше выписаны нюансы отношений Александры Михайловны с мужем, которая сострадает ему как сестра и одновременно ожесточена против него как нелюбящая женщина, а он относится к жене то как к ребенку, то как тиран, мучитель — к жертве. Не говоря уже о странной влюбленности друг в друга почти сестер в доме, ровесниц Неточки и Кати, которые сами неосознанно ощущают себя преступницами и которых скоро внимательная мать Кати резко разлучает, чувствуя опасность, грозящую дочери.

¹⁷ В качестве предположения хочу обратить внимание на скорее всего бессознательное для Достоевского совпадение устойчивой литературной модели, обычно связанной с описанием состояния его героев в моменты кульминационные для них (от выхода из душевного подполья до воскрешения), с названием романа Скотта. В этих случаях у Достоевского сознательно или бессознательно используется архетипическая оппозиция «огонь — вода» (греховное сжигается, праведное омывается): Прохарчина приносят домой с пожара, где он «проснулся» от духовной спячки, измокшего под ливнем; Опискин преображается после грозы, молнии и ливня; воскресение Раскольникова происходит на берегу реки, у печи с дровами. Вполне возможно, что этот архетип мог сработать и в «Неточке Незвановой»: героиня воскресает **со слезами** и с книгой «Сент-Ронанские **воды**», где действие происходит в городке с чудодейственным целебным источником, названным в честь святого.

¹⁸ В записях к «Дневнику писателя» за 1876 г. в размышлениях о «прекрасном в веке» имя Скотта — рядом с именем Пушкина (24; 133).

¹⁹ **Назирова Р.Г.** Трагедийное начало в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // **Назирова Р.Г.** Русская классическая литература: Сравнительно-исторический подход. — Уфа, 2005. — С. 26.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СПОРУ